

Глава 5. Ну-ка, покажи

Воздух дышал сухим зноем, мостовая буквально пылала под ногами, а редкие прохожие старались поскорее укрыться в тени. Пока они шли, одежда Шэнь Сыюаня и Сяо Тана насквозь пропиталась потом, а в горле давно пересохло.

Однако, то ли ему казалось, то ли действительно подействовал свежий воздух, но вне дома Сыюань почувствовал себя бодрее. Вместе с потом ушла давящая тяжесть, тело налилось легкостью, а мысли прояснились.

Сяо Тан, высоко держа огромный зонт, шагал чуть позади и то и дело поглядывал на профиль своего господина.

Второму молодому господину исполнилось всего шестнадцать, но он уже отличался редкой, утонченной красотой. Тонкие брови, выразительный разрез глаз, мягкие очертания губ — казалось, сама природа лепила его лицо с безупречным изяществом.

При этой мысли Сяо Тан удрученно вздохнул. Какая жалость, что в столице о его господине судачили лишь как о бездельнике, невежде и несносном задире!

Но ведь молодой господин не натворил ничего по-настоящему дурного. Этим пустомелям на улицах определенно стоило бы укоротить языки!

Сяо Тан искренне считал Шэнь Сыюаня хорошим хозяином. Да, вспыльчив, но, в отличие от старшего молодого господина Шэнь Чжихэ, никогда не измывался над челядью.

В покоях старшего брата правила были строжайшие, слуг пороли по малейшему поводу. В комнатах же Второго молодого господина дышалось свободно: делай свою работу — и горя знать не будешь. Если кто и оплошает ненароком, хозяин разве что зыркнет сердито, но до палок или лишения жалованья дело никогда не доходило.

И откуда только взялись эти слухи, будто Второй молодой господин — жестокий самодур, избивающий слуг до полусмерти? Вспомнив об этом, Сяо Тан сердито пробурчал:

— Молодой господин, в поместье завелись длинные языки. Болтают, будто вы колотите челядь почем зря. Не пора ли проучить этих сплетников?

Шэнь Сыюань даже не замедлил шаг. В памяти мгновенно всплыла его прошлая жизнь. Он прекрасно помнил, как поступил в прошлый раз, когда Сяо Тан завел этот разговор.

Тогда он в ярости ворвался к сплетникам и избил болтуна, а подоспевший Шэнь Чжихэ попытался его остановить. Сыюань просто хотел припугнуть слугу, но вмешательство старшего брата лишило его рассудка. Он окончательно потерял контроль над собой и жестоко искалечил

беднягу.

Что было потом? Законная мать, Ли Сянлань, щедро одарила пострадавшего серебром и выставила прочь из поместья.

А Сыюаня отец, премьер-министр Шэнь Даосюэ, выпорол так, что тот неделями не мог подняться с постели. И все это время мачеха присылала к нему старуху Фэн с дорогими снадобьями, разыгрывая заботу. Сыюань же от бессильной злобы сорвался на Сяо Тане и устроил разнос всем слугам в своих покоях.

Когда раны затянулись, слуги начали шарахаться от него как от чумы. Теперь-то он понимал, насколько глупо вел себя сам, добровольно влезая в расставленные ловушки.

— Кто нашептал тебе это? — спросил Сыюань, не оборачиваясь. — Как вернемся в поместье, разузнай, чьих это рук дело. Только не таись, спрашивай открыто, при всех.

Сяо Тан тут же приосанился и с гордостью выпалил:

— Не извольте беспокоиться, молодой господин! Я этого пустозвона из-под земли достану!

Шэнь Сыюань лишь безучастно кивнул.

Кто именно пустил слух, он знал и так. Но сейчас его интересовало другое: кто дергал за ниточки? Перед глазами возникло кроткое, улыбающееся лицо Ли Сянлань, и взгляд юноши мгновенно потемнел от ненависти.

«Если все действительно так, то в прошлой жизни я был слепцом»

Они подошли к чайному дому — самому просторному и оживленному в столице. Но не успел Сыюань ступить на порог, как со второго этажа донесся зычный крик:

— Шэнь-эр! В пекло такое, как тебя на улицу-то вынесло?!

Сыюань вскинул голову. Из окна второго этажа, по пояс голый, высунулся его ровесник. Чернокожий, с живыми, блестящими глазами, он широко улыбался и отчаянно махал рукой.

Шэнь Сыюань замер от неожиданности, к горлу подкатил ком, а в глазах предательски защипало. Он поспешно опустил голову, пряча навернувшиеся слезы. В столице за Сыюанем закрепилась дурная слава, и благородные юноши, дорожившие репутацией, обходили его стороной.

Но Цзян Сяо всегда был исключением. С самого детства этот сорванец стоял за него горой: стоило Сыюаню косо на кого-то посмотреть, как Цзян-коротышка тут же лез в драку с обидчиком.

Он был единственным настоящим другом Сыюаня в той, прошлой жизни. И за эту дружбу поплатился сполна: устав улаживать постоянные скандалы, семья Цзян в конце концов сослала строптивого наследника на передовую.

Цзян Сяо погиб в девятнадцать лет. Когда Сыюань узнал об этом, земля ушла у него из-под ног. И теперь, глядя на живого, горланящего друга, он чувствовал, как сердце разрывается от щемящей боли и нежности.

— Молодой господин, госпожа ведь велела вам держаться подальше от Младшего молодого господина Цзян, — вполголоса напомнил Сяо Тан. Ему страшно не нравилось, когда этот грубиян звал его хозяина «Шэнь-эр» — звучало панибратски и дешево.

Слова слуги мигом развеяли меланхолию Сыюаня. Он повернулся и пристально, не мигая, уставился на Сяо Тана.

Этот парень был приставлен к нему отцом еще в глубоком детстве. Сяо Тан всегда был болтливым, тщеславным сплетником, судившим людей исключительно по знатности рода да смазливому лицу. Словом, верным слугой его назвать не повернулся бы язык.

И все же именно этот ненадежный малый, когда Сыюаня волокли на эшафот, до хрипа кричал о его невиновности, пытаясь прорваться сквозь стражу.

Под тяжелым, нечитаемым взглядом хозяина Сяо Тан занервничал. Спина его взмокла от холодного пота.

— Мо-молодой господин... почему вы так на меня смотрите? — он втянул голову в плечи, гадая, какая муха укусила непредсказуемого барина.

Сыюань лишь молча похлопал перепуганного слугу по плечу и горько усмехнулся про себя.

«Да уж, прожил двадцать лет, а в людях так и не научился разбираться»

— Пошли внутрь.

Поняв, что спорить бесполезно, Сяо Тан лишь тихонько вздохнул и поплелся следом.

Сыюань переступил порог чайной, навстречу ему по деревянной лестнице уже шумно мчался Цзян Сяо.

— Шэнь-эр! Ты чего в такое пекло из дома нос высунул? Неужто насиделся на своей хваленной кровати из холодного нефрита?

С него градом катился пот. Сыюань всегда казался Цзян Сяо удивительным существом: белокожий, хрупкий, но с таким взрывным характером, что напоминал девчонку, которой наступили на косу. Дразнить его было сплошным удовольствием, оттого они и сдружились.

Шэнь Сыюань вечно болел, а летом и вовсе безвылазно сидел в покоех, спасаясь от жары на кровати из холодного нефрита. Увидеть его расхаживающим по знойным улицам средь бела дня казалось настоящим чудом.

Сыюань брезгливо отпихнул взмокшего друга подальше и со смехом огрызнулся:

— Я тебе не сынок, попридержи язык, Цзян Хэй!

— Ха-ха-ха! Шэнь-эр, ты в своем репертуаре! — Цзян Сяо так и покатился со смеху. Он искренне соскучился по другу за те недели, что они не виделись.

Только тут Сыюань обратил внимание на то, что в зале чайного дома непривычно пусто. Ни одного посетителя.

Он удивленно вскинул бровь и покосился на приятеля:

— Твоих рук дело? Всех разогнал?

Цзян Сяо невольно сглотнул, разглядывая Сыюаня. Про себя он отметил, что с каждым годом тот хорошеет как-то по-девичьи.

— Да ну их, — проворчал он, отводя взгляд. — Место тут хорошее, прохладное, да только гомонят все без умолку. Вот я и решил... прибрать заведение к рукам на денек.

На самом деле все было иначе. За соседним столом кто-то принялся нелестно отзываться о Шэнь Сыюане, и Цзян Сяо, недолго думая, разукрасил наглецу физиономию, распугав остальных гостей.

Если слухи о драке дойдут до отца, генерала Цзяна, тот раздерет ему спину плетью. Но Цзян Сяо ни о чем не жалел. И рассказывать другу подробности не собирался — знал, что тот вспылит.

«Ишь, эгоист, — мысленно усмехнулся Сыюань. — Сам прохладу любит, а на других ему плевать»

Это вполне укладывалось в бесхитростную логику Цзян Сяо.

Тем временем глаза у парня азартно блеснули:

— Слушай, Шэнь-эр! А притащи-ка сюда свою кровать из холодного нефрита! Устроимся тут по-царски, будем чаек попивать!

Цзян Сяо аж руки потер от предвкушения. Об этой кровати из холодного нефрита судачила вся столица — редкостный подарок госпожи Шэнь, привезенный из-за моря. Ни у кого в городе больше такого чуда не водилось.

Сыюань в ответ лишь закатил глаза.

Его репутация и без того висела на волоске. Стоит вытащить кровать из холодного нефрита на всеобщее обозрение, и злые языки захлебнутся ядом. Отец, узнав о таком безумстве, лично накормит его плетью, а Ли Сянлань с Шэнь Чжихэ тут же кинутся его защищать, разыгрывая очередное семейное представление.

Сыюань не испытывал ни малейшего желания потакать этой сладкой парочке в их благородном амплуа.

— Если она тебе так нравится, я велю Сяо Тану отвезти ее к тебе в поместье.

Цзян Сяо и Сяо Тан застыли с разинутыми ртами, уставившись на него в полном ошеломлении. Кровать из холодного нефрита, стоявшая целое состояние, отдать первому встречному за здорово живешь?

Цзян Сяо решил было, что это шутка, но взгляд красивых глаз Сыюаня оставался предельно серьезным.

— Да я... я вовсе не претендую на твою кровать, — пробормотал обескураженный парень. На душе у него потеплело. Шэнь-эр так дорожил их дружбой, что готов был отдать бесценную вещь, несмотря на собственную слабость и непереносимость жары.

Сыюань усмехнулся. Он прекрасно знал, что Цзян Сяо откажется. Но желание избавиться от подарка мачехи было искренним.

Сыюань понятия не имел, во сколько обошлась эта безделушка Ли Сянлань. Но в прошлой жизни, едва он испустил дух, все его богатства до последнего медного гроша благополучно перекечевали обратно в сундуки мачехи.

Она выстроила себе безупречное реноме заботливой матери, спасла шкуру собственного сына,

а его, никчемного сына от наложницы, использовала как разменную монету. Очень выгодная сделка, не так ли?

— Сяо Тан, ступай обратно в поместье. Пусть слуги погрузят кровать из холодного нефрита и отвезут её к Цзян Хэю.

Разорить Ли Сянлань хотя бы на эту сумму — уже маленькая победа. Сяюань прищурился, предвкушая, как мачеха будет кусать локти, изо всех сил стараясь сохранить благообразную мину и не сорваться на крик. О, от этой мысли ему стало невероятно легко.

— Шэнь-эр... я...

— Цыц! Сказал — бери, значит, бери. Слово господина — кремень, назад его не заберешь, не зли меня!

Цзян Сяо смущенно почесал затылок:

— Ну ты даешь... Спасибо, брат.

Сяо Тан едва не лишился чувств. Кровать из холодного нефрита! Вот так запросто уплывает в чужие руки! Если госпожа узнает, с него же заживо кожу сдерут! Вспомнив крутой нрав Ли Сянлань, слуга задрожал всем телом. Нужно во что бы то ни стало отговорить хозяина.

Ведь мачеха никогда не наказывала самого Сяюаня напрямую — весь гнев матушки неизменно обрушивался на головы челяди. Сяо Тан чуть не разрыдался:

— Молодой господин, вы меня в могилу сведете!

Сяюань замер посреди лестницы. В памяти мертвой хваткой всплыла страшная картина: избитый до полусмерти Сяо Тан лежит на земле, истекая кровью, но его преданный взгляд устремлен на хозяина.

В груди Сяюаня вновь закипела удушливая, темная ярость, требующая выхода. Он до боли сжал деревянные перила и зажмурился, загоня страшные видения поглубже в подсознание. Когда он заговорил, голос его звучал глухо и надтреснуто:

— Ладно, забудь. Пошли наверх, Цзян Хэй, выпьем.

Он тихо вздохнул. В этой жизни нельзя действовать наобум. Ли Сянлань не посмеет тронуть его самого, но с легкостью сотрет в порошок Сяо Тана.

Защитить слугу он не сможет — любая попытка заступиться лишь раззадорит змею, сделает наказание еще более жестоким.

Как там любила приговаривать мачеха?

«Матушка делает это только ради твоего блага»

«Не позволяй этим грязным холопам сбивать тебя с пути»

«Ты — молодой господин семьи Шэнь, сын самого премьер-министра! Кто посмеет перечить тебе?»

Каждое из этих слов, когда-то вызывавших у него прилив детской признательности, теперь казалось ядовитым шепотом палача. Разговор о кровати из холодного нефрита сошел на нет.

Цзян Сяо не стремился забрать подарок, а Сяо Тан был рад, что гроза миновала.

В пустом заведении не было ни души, кроме хозяина, слуг и застывшего у стойки трактирщика. Сяо Тан облегченно перевел дух и бесшумно засеменил за господином.

Цзян Сяо тоже быстро выкинул эту историю из головы. Кровать из холодного нефрита манила его лишь из праздного любопытства. Шэнь-эр слаб здоровьем, плохо переносит зной, так что пусть лучше спит на прохладном камне сам.

Цзян Сяо в два прыжка нагнал друга и бесцельно сгреб его за плечи:

— И все-таки, Шэнь-эр, колись: с чего вдруг ты выполз наружу?

В прежние годы Сыюаня зимой и летом из дома было не выкурить. Цзян Сяо не раз пытался вытащить его из поместья премьер-министра чуть ли не силой, но всякий раз уходил несолоно хлебав. При воспоминании об этом парень недоуменно покачал головой.

А все из-за его заботливой мачехи, которая обустроила покои пасынка с поистине королевской роскошью. Цзян Сяо казалось, что даже у самых богатых вельмож в столице нет столь изысканных покоев. Парня холили и лелеяли точно капризную барышню, тьфу!

Сыюань поднялся на второй этаж, выбрал место у окна, где приятно сквозило, и небрежно бросил:

— Праздную перерождение.

Затем он повернулся к Сяо Тану:

— Неси вина. Да покрепче!

Слуга опешил. Он находился при хозяине неотлучно, но никогда не замечал за ним тяги к хмельному. Впрочем, помня о недавней вспышке гнева из-за кровати, перечить не посмел.

«Будь что будет, — уныло подумал он. — Ну накажут нас по возвращении, делов-то. Не впервой спину подставлять, лишь бы живым остаться»

Цзян Сяо вытаращил глаза. Какое еще перерождение? О чем это он?

— В твоём поместье вино перевелось, что ли? Зачем тащиться в такую жару на другой конец города? — проворчал он под нос.

В доме Шэнь вина было в избытке. Но если Сяюань напьется там и потеряет контроль над собой, коекто из его драгоценной семейки может лишиться головы раньше времени. Взгляд Сяюаня опасно полыхнул:

— Не хочешь пить — проваливай, нечего тут бубнить.

Цзян Сяо с тревогой взгляделся в его бледное лицо.

— Шэнь-эр, послушай старшего. Ты еще мал для крепкого хмеля, побереги себя, — серьезно проговорил он. Ему показалось, что друг сильно сдал за последнее время, осунулся.

Сяюань шутливо пнул его под столом. Тоже мне, нашелся «старший»! Этот оболтус родился на два месяца позже него, а туда же — в наставники метит.

— Заткнись лучше. Думаешь, я не знаю, как ты таскаешь отцовские запасы из погреба? Сам пьешь втихаря, а меня учить вздумал? Совесть-то имей!

— Ха-ха! Вот за это я тебя и люблю!

Цзян Сяо даже не поморщился от пинка, содрогаясь от хохота. Пусть Шэнь-эр выглядел хрупким и болезненным, в душе он оставался диким волчонком, готовым в любой момент вцепиться в глотку. И эта черта безумно нравилась Цзян Сяо.

— Эй, Сяо Тан! Ты там виноград давишь, что ли? Пошевеливайся! — крикнул Цзян Сяо в сторону лестницы и весело подмигнул другу.

Сыюань невыдержал и тоже рассмеялся. Ли Сянлань окружала его удушающей, приторной заботой, от которой хотелось выть. Почему он всегда стремился сбежать из дома?

Да потому, что лишь за порогом поместья отступала та глухая, мучительная тревога, что изо дня в день разъедала его изнутри. Тело само инстинктивно искало спасения от ласковой удушки.

Вскоре Сяо Тан вместе с трактирщиком принесли кувшин. Цзян Сяо жадно припал к чаше, но тут же разочарованно поморщился. Что за бурда? Вода водой! Он недоуменно уставился на понурившего голову слугу, потом перевел взгляд на друга.

Заметив, что Сыюань пьет молча, не замечая подвоха, Цзян Хэй решил промолчать. Разбавили и ладно — здоровее будет.

Вдруг лицо Цзян Сяо расплылось в хитрой усмешке, и он заговорщически прошептал:

— Эй, Шэнь-эр, а ведь пить всухомятку в этой дыре — тоска зеленая. То ли дело Терем Сотни Ароматов! Вот где настоящая жизнь!

Сыюань насмешливо оглядел малолетнего повесу. Его скользящий взгляд опустился от мускулистой груди Цзян Хэя ниже пояса. Под этим бесстыдным взглядом Цзян Сяо невольно скрестил ноги и прикрыл руками пах.

— Ты... ты куда пялишься?! — выпалил он, мгновенно заливаясь краской. По спине пробежал странный, неведомый доселе холодок.

— Хек... У самого еще пушок на яйцах не вырос, а уже о борделях мечтаешь? — фыркнул Сыюань.

В памяти всплыло его собственное первое посещение подобных заведений в прошлой жизни. Кажется, ему тогда было лет шестнадцать или семнадцать.

Вот только, в отличие от сверстников, искавших женской ласки, Сыюань заглядывался на красивых юношей.

— Да ты!.. Шэнь-эр, ты совсем испортился! — оскорбленный в лучших чувствах парень густо покраснел, став похожим на переспелую сливу.

Сыюаня эта реакция невероятно позабавила. Едва сдерживая хохот, он невинно поинтересовался:

— А что, я не прав? Ну-ка, дай взглянуть, выросло там у тебя хоть что-нибудь?

С этими словами он в шутку потянулся рукой к его паху. Цзян Сяо с диким воплем отскочил на добрых три шага, глядя на друга как на сумасшедшего.

Сыюань с наигранным сожалением опустил ладонь. На самом деле он, конечно же, вовсе не собирался распускать руки.

<http://bllate.org/book/19456/2029009>